

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939>

Research article / Научная статья

Broadening the ontology of threats verbalized in written communication on the Internet

Liliya KOMALOVA^{1,2} and Lyubov KALYUZHAY²

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*

komalova@inion.ru

Abstract

The topicality of the research is justified by intensification of distractive communication between Internet users and by lack of understanding how to regulate such speech behavior, as the social function of internet-mediated communicative environment is still undetermined. The paper explores communicative features of threats-punishments and threats-warnings verbalized through written communication mediated by gadgets with access to the Internet. The aim of the research is to define the perlocutionary effect produced by verbalized threats based on written communication. Threats are understood as utterances containing a message about harmful consequences of the action of a threat sender towards a recipient of the threat if he or she will or will not do some action demanded in the threat. Verbalization means that threat is articulated in speech communication and realized in verbal form. The research hypothesis is tested on the basis of 68 threatening messages in the Russian language retrieved from contexts of speech communication in internet-messengers and on social network sites. We prove that the addresser (threatening person) verbalizes treats mostly in the form of punishments describing possible damage to the addressee's (recipient's) life and or health. We found out that threatening speech acts verbalized on the Internet are mostly similar in form and content to those realized in face-to-face communication. However, Internet threats are mostly determined as a reflection of emotional-modal state of the addresser in response to the actions of the addressee. Men are more active in the verbalization of threats-punishments, whereas women verbalize more threats-warnings. People tend to protect themselves by ignoring threats addressed to them. The obtained results clarify the idea of Internet-threat as affected speech behavior, the regulation of which is impossible within the framework of the existing legislation; therefore it is necessary to develop a criteria base consistent with public morality, with the participation of expert and academic communities and technological companies.

Keywords: *verbalization of threats, threatening speech act, speech genre, Internet-mediated communication, perlocution*

For citation:

Komalova, Liliya & Lyubov Kalyuzhnaya. 2022. Broadening the ontology of threats verbalized in written communication on the Internet. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 779–806. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939>

Расширение онтологии угрозы в письменной интернет-коммуникации

Л.Р. КОМАЛОВА^{1,2} , Л.В. КАЛЮЖНАЯ²

¹*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия*

²*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

 komalova@inion.ru

Аннотация

Проблематика проводимого исследования определяется интенсификацией деструктивной коммуникативной активности интернет-пользователей и отсутствием понимания дальнейших действий (в связи с неопределенной функцией коммуникативных интернет-площадок) по отношению к субъектам, вербализующим угрозы. В статье рассматривается вопрос о характеристиках угроз-наказаний и угроз-предупреждений, вербализуемых в ходе письменной коммуникации, опосредованной техническими средствами с доступом в интернет. Цель данного исследования – определить перлокутивный эффект от вербализации угрозы, реализуемой в письменной интернет-коммуникации. Под сообщением-угрозой подразумевается высказывание, содержащее сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат совершит или не совершит какое-либо действие. Под вербализацией (вербальной реализацией) угрозы понимается словесная форма выражения интенций угрозы. Эмпирическое исследование проводилось на материале 68 сообщений-угроз на русском языке, извлеченных из контекстов реального (несценированного) коммуникативного взаимодействия в интернет-мессенджерах и социальных интернет-сетях. В результате было выявлено, что признаковые характеристики угроз, вербализуемых в интернет-коммуникации, в основном соотносятся с характеристиками, обозначенными исследователями применительно к анализу угроз в коммуникации лицом к лицу. Наряду с этим сообщения-угрозы в интернете характеризуются как разрядка эмоционально-психологического состояния угрожающего в ответ на действия реципиента угрозы. Было выявлено, что мужчины более активны при реализации угроз-наказаний, женщины – угроз-предупреждений. Реципиент угрозы в исследуемых контекстах оказался устойчивым к угрозам и в большинстве случаев взаимодействия с угрожающим проигнорировал их. Полученные результаты уточняют представление об интернет-угрозе как об аффектированном речевом поведении, регулирование которого невозможно в рамках существующего правового поля, и требуется разработка самостоятельной критериальной базы в нормах общественной морали с привлечением экспертного, научного сообществ и представительства технологических компаний.

Ключевые слова: *вербализация угрозы, речевой акт угрозы, речевой жанр, интернет-коммуникация, перлокуция, русский язык*

Для цитирования:

Комалова Л.Р., Калюжная Л.В. Расширение онтологии угрозы в письменной интернет-коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 3. С. 779–806. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939>

1. Введение

В рамках прагмалингвистики изучение письменной вербализации угрозы как одной из деструктивных форм общения представляется актуальной задачей не только применительно к массовой коммуникации (например, в случаях злоупотребления угрозами в речи политика для оказания эмоционального воздействия на электорат (Романов, Новоселова 2021)), но и в межличностном общении, особенно в условиях увеличения времени, которое человек уделяет коммуникации, опосредованной интернет-приложениями¹, позволяющими обмениваться сообщениями в синхронном (например, в мессенджерах) и асинхронном (например, в социальных интернет-сетях) режимах (нецивилизованное поведение в цифровой среде становится «новой нормальностью» (Digital civility index... 2022)). Согласно отчетам Microsoft использование вербализованных угроз можно отнести и к преследованию и вторжению в частную жизнь (intrusion), и к поведенческим (behavioral), сексуальным (sexual), репутационным (reputational) рискам (ibid.). При этом за семь лет, в течение которых ведется мониторинг, Россия в рейтинге находится на втором месте с конца, что свидетельствует о высоких рисках, связанных с коммуникацией в цифровой среде. В целом, угрозу можно рассматривать как универсальный инструмент для влияния на аудиторию, т.к. угроза запускает биологическую реакцию защиты в ответ на возникшую эмоцию страха. Негативные эмоции, возникающие у реципиента угрозы, оказывают сильное влияние на его / ее мысли, чувства и поведение и, соответственно, представляют собой наиболее эффективный инструмент воздействия (Ozyumenko & Larina 2021: 749).

Вербализация угроз может свидетельствовать о насильственном (абьюзивном) поведении (Kaur, Singha, Kaushal 2021), которое является социально неприемлемой формой взаимодействия (Ljubešić, Fišer, Erjavec 2019, Kosoń et al. 2021). Высказывания со значением угрозы сообщают о негативных последствиях для адресата² в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-либо действие (Стексова 1997, Рылова 2014, Романов, Новоселова 2020). Воспринимающий субъект рассматривает направленную на него

¹ Количество интернет-пользователей за последние 10 лет увеличилось более чем вдвое – с 2,18 млрд на начало 2012 года до 4,95 млрд в начале 2022 года. См. актуальную статистику за 2022 год: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>

² В настоящей статье мы будем пользоваться как взаимозаменяемыми следующими номинациями в паре: адресант = угрожающий = говорящий = агенс; адресат = реципиент угрозы = слушающий = пациенс. – Л. К., Л. К.

вербализованную угрозу как сценарий, воспроизводя заложенную в угрозе логическую связь между своими действиями / бездействием, приведшими к сложившейся ситуации, и предписаниями к осуществлению действий / бездействия, позволяющими избежать нежелательных последствий или уменьшить ущерб от возможных санкций по отношению к объекту угрозы (Романов, Новоселова 2021).

Угроза относится к деструктивным формам общения, которые направлены на подавление воли адресата и ухудшение его психического состояния (Злоказов, Колмыкова, Рыбьякова, Степанов 2017, Новоженова, Пробст 2019). Такое поведение адресанта может быть вызвано его стремлением самоутвердиться, доминировать и подчинять собеседника своей воле, воздействовать на его решения и мысли (Новоженова, Пробст 2019). Данная деструктивная форма общения вызывает у адресанта целый ряд негативных эмоций и переживаний (страх, отчаяние, тревога и т.д.), что может привести к сильному эмоциональному потрясению и как результат к серьезным психологическим травмам в будущем (Дайшутов, Динека, Денисенко 2019). Возможными последствиями могут стать сниженная самооценка, тревожность, депрессия и суицидальные наклонности (Sourander et al. 2010, Kaur, Singha & Kaushal 2021, Digital civility index... 2022). Как с позиций морали, так и с позиций закона речевое поведение, включающее вербализованные угрозы, порицается, так как ограничивает свободу и права другого человека, возможности без внешнего давления принимать решения и распоряжаться своими ресурсами (см. например Дайшутов, Динека, Денисенко 2019).

Подводя итог вводного раздела статьи, следует отметить, что мы используем номинацию «вербализация (вербальная реализация) угрозы» (см. Комалова 2020: 34) для обозначения способа и формы выражения интенций угрозы, указывая на то, что в фокусе нашего внимания находится только словесное оформление угрозы, понимая, что угроза может реализовываться и в других семиотических системах (например, при помощи демонстрации оружия, мимикой, движением тела и т.д.). Вербализованная угроза рассматривается нами как намеренное речевое действие (см., например (Watt, Kelly, Llamas 2013, Probst et al. 2018, Nick 2018), что подразумевает ожидаемое со стороны реципиента угрозы ответное действие, удовлетворяющее потребность угрожающего.

По нашему мнению, определение потребности, актуализируемой в интенции угрожающего, составляет проблему, на решение которой и направлено наше исследование. Нам представляется возможным определить потребность угрожающего по сообщению-угрозе и тем самым построить прогноз о завершении взаимодействия между угрожающим и реципиентом угрозы. Иными словами, мы предполагаем, что декодирование потребности, заложенной в сообщении-угрозе, позволит понять, что действительно требует угрожающий (привлечь ли к себе внимание, получить ли признание, инициировать / остановить ли чье-либо действие, получить ли то, что указано в декларируемом

требовании, продолжить ли держать реципиента в страхе или что-то иное). Подобная декомпозиция вербализованной угрозы предполагается с опорой на существующую онтологию в области судебной лингвистической экспертизы и концептуализацию угрозы в правовом поле, в частности, в Уголовном кодексе РФ. В целом, это позволит расширить онтологию угрозы.

В следующем разделе статьи мы постараемся обозначить основные методологические опоры для нашего исследования.

2. Угроза как речевой жанр

На основе результатов предыдущих наших исследований мы обнаружили, что вербализация угрозы реализуется в виде одноименного речевого жанра, который мы относим к речевым жанрам конфликтного типа (Комалова 2019, 2020: 68–88). В семантике данного речевого жанра присутствует два компонента: побуждение к совершению действия в интересах говорящего и обещание определенных негативных последствий, если просьба адресанта не будет выполнена (Плотникова 2017: 82). Интенция запугивания может реализоваться с помощью интонационных, лексических и грамматических языковых средств. Наиболее типичной формулой вербализации угрозы является предложение с придаточным условия («Если ты (не)..., то я...») (там же). Семантическая структура такой угрозы обычно содержит условие и выглядит так: «тебе необходимо сделать или не сделать *a*, иначе я сделаю *b*».

Нами рассматриваются такие угрозы, которым характерна четкая постановка требования, которое необходимо выполнить с целью предотвращения говорящим реализации обозначенных санкций (Бут 2004), т.е. прямая угроза. Такие угрозы включают номинацию необходимого к выполнению действия и номинации последствий, которые наступят, если адресат откажется осуществлять требования адресанта (там же).

Угроза имеет определенные прагматические составляющие речевого акта, а именно (Женисова 2018, Вежбицка 1997, Walton 2000, Walton 2014, Бринев 2009а, 2009б):

- 1) пациент заинтересован в том, чтобы к нему / ней не были применены штрафные санкции;
- 2) агент знает об этой заинтересованности пациента;
- 3) агент в действительности имеет возможность осуществить обозначенные санкции;
- 4) агент заинтересован в определенных действиях пациента;
- 5) агент твердо намерен осуществить действие, указанное в его угрозе.

В правовой плоскости рассматриваются следующие характеристики вербализованной угрозы (Бринев 2009б, Обелюнас 2014, Ярошук, Жукова, Долженко 2020):

- перлокутивный эффект угрозы (угроза реальна, если у пациента имелись основания опасаться ее осуществления, при этом неважно, действительно ли агент намеревался ее исполнить);

– пропозициональное содержание высказываний, входящих в вербализацию угрозы:

а) пропозиции, содержащие информацию о жизни и здоровье человека, образуют, например, самостоятельный состав преступления ст. 119 УК РФ; объективная сторона заключается в двух альтернативных действиях:

– угроза убийством,

– угроза причинения тяжкого вреда здоровью;

б) пропозиции, содержащие информацию о распространении негативной информации о лице, независимо от истинности и ложности такой информации, что определяется как шантаж и входит в объективную сторону преступления;

в) пропозиции, содержащие информацию об уничтожении, повреждении или изъятии имущества;

г) пропозиции, содержащие информацию о совершении взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий (ст. 205 УК РФ);

д) в случае требований передачи имущества, угроза входит в состав преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ.

Согласно В.А. Ефремову угроза может выступать как способ подстрекательства или доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ); преступники могут пользоваться ею для вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); с помощью угрозы совершается незаконное получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). «В трудовом праве наличие угрозы входит в состав понятия принудительного труда. Наличие или отсутствие угрозы способно отягчать и смягчать (вплоть до исключения преступности деяния, ст. 40 УК РФ) наказание» (Ефремов 2018: 193).

Для реализации речевого жанра угрозы обязательно наличие двух субъектов: агенса (говорящего, адресанта) и пациенса (воспринимающего, адресата). Агенси наделяется формальной властью, имеет возможность выдвигать требования по отношению к адресату и применять штрафные санкции в случае их невыполнения. Пациенс выступает в роли подчиненного лица, вынужденного или осуществлять нежелательные для себя действия по просьбе агенса или испытывать определенные негативные последствия в случае их невыполнения (Женисова 2018).

Для успешной реализации угрозы и получения адресантом желаемого результата необходимо, чтобы штрафные санкции, которые он / она собирается применить, действительно могли быть реализованы в данной конкретной ситуации, и адресат должен осознавать реальную возможность их применения, так как только при этом условии может быть достигнут перлокутивный эффект угрозы (см. подробнее (Винокур 2005)).

Коммуникативная ситуация, в которой используется речевой жанр угрозы, может развиваться по одному из следующих сценариев (Там же):

1) пациент признает реальность угрозы со стороны агенса и выполняет требования с целью недопущения применения штрафных санкций по отношению к себе / близким людям / имуществу / др. значимым субъектам или объектам;

2) пациент нейтрализует негативный посыл агенса и пытается изменить его изначальные намерения;

3) пациент согласен на применение по отношению к нему / ней санкций и отказывается от выполнения требований агенса, что с позиций речевого жанра угрозы будет считаться коммуникативной неудачей.

Признаки речевого жанра угрозы можно обнаружить на разных уровнях языка. На **синтаксическом** уровне чаще используются сложноподчиненные предложения с придаточными условиями (*Если ты не сделаешь а, то я сделаю б*); однородные сказуемые, которые выражают последовательность (*ты придешь, сделаешь, скажешь, принесешь...*); повторы, параллельные конструкции, перестановки (Коротаева, Месропян 2020: 20).

На **морфологическом** уровне используются глаголы, выражающие будущее время (*сделаю, приду, расскажу, ударю* и т.д.) (Коротаева, Месропян 2020).

На **лексическом** уровне используются слова, которые подчеркивают тревожное, эмоционально нестабильное состояние пациента (боязнь, страх, тревога, переживание и т.д.); жаргонизмы, оценочная лексика, эвфемизмы; наречия, указывающие на динамику выполнения действия (*быстро, немедленно* и т.д.).

Для речевого жанра угрозы характерно употребление в большей степени имен существительных и глаголов. На уровне **семантики** наиболее часто встречаются глаголы противостояния, глаголы нанесения физического или морального вреда, глаголы утверждения опасности и угрозы (*ударить, убить* и т.п.) (Карандеева, Сергиенко 2017).

Конечно, следует учитывать и то, что в межличностной коммуникации угроза может быть вербализована различными способами, на что влияют разнообразие факторы (обстановка, в которой протекает общение, степень знакомства собеседников, цели, которые преследует адресант, и многое другое). Анализируя типы угроз и способы воздействия на адресата, важно принимать во внимание и экстралингвистические факторы.

На основе анализа научной литературы, описывающей вербализацию угрозы, и правовых документов можно выделить два типа последствий применения угроз:

1) изменение ментального состояния получателя угрозы (например, угроза нанесения эмоционального вреда),

2) изменение физического состояния получателя угрозы (например, угроза нанесения физического вреда, угроза жизни и здоровью).

В качестве типологической матрицы в нашем исследовании мы обращаемся к работам А.Н. Баранова, в которых исследователь выделяет два основных типа вербализованных угроз (Баранов 2013, 2021).

1. Угрозы-наказания или угрозы-возмездия реализуются в ситуациях, когда адресат сделал нечто нежелательное для говорящего (угрожающего – агенса угрозы) и он предупреждает адресата о наказании (санкции), которое в скором времени за это последует. Таким образом, агент высказывает негативную оценку действий, которые были совершены пациентом. Целью данных угроз является не стимулирование к исполнению воли пациента, а оказание негативного эмоционального воздействия на пациента или третье лицо путем импликации ущерба. «Основной смысл угрозы-наказания состоит в том, чтобы заставить адресата бояться наказания как санкции за содеянное» (Баранов 2021: 34). Подобные угрозы могут высказываться напрямую адресату или через посредника. «Коммуникативная интенция угрозы-наказания – взять на себя обязательство выполнить санкцию в отношении адресата за то, что он сделал что-то плохое для говорящего» (Там же: 140).

2. Угрозы-предупреждения используются тогда, когда говорящий понимает, что адресат может (не) совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это. «Коммуникативная интенция угрозы-предупреждения – добиться от адресата нужного поведения (действия или бездействия), чтобы не произошло события, нежелательного для говорящего» (Там же).

Подводя итог методологического раздела статьи, обратим внимание на разработанность признаковой базы для определения вербализованных прямых угроз. Существующие исследования условно можно объединить в две группы. Первые описывают вербализацию угроз вообще: в этих исследованиях акцент делается на обнаружение признаков угрозы на разных уровнях языка. Вторые приводят результаты экспертных исследований, в которых рассматриваются частные случаи вербализации угроз через призму их правовой допустимости.

В первом случае при выведении теоретического знания из внимания упускаются условия, среда и форматы, в которых вербализуются угрозы. В частности, нам представляется некорректным включать в один исследовательский массив угрозы, реализованные в устной коммуникации лицом к лицу (и лишь затем переведенные в письменную форму), и угрозы, вербализованные в социальной интернет-сети в публичной коллективной дискуссии, в том смысле, что эти угрозы сопровождают разные экстралингвистические факторы, влияющие и на мотивацию к вербализации угрозы, и на предысторию угрозы (является ли она импульсивной ситуативной реакцией или подготовленным намеренным действием), и на состав участников (которые могут играть разные роли, тормозящие деструктивные мотивы угрожающего или, наоборот, способствующие их актуализации), и т.д. Теоретические знания, полученные на основе экспертизы, формируют узкоспециализированное (при этом достаточно вариативное) представление о вербализованных угрозах применительно к статьям соответствующих юридических документов (Уголовный кодекс РФ и др.), что делает такие знания неапликабельными вне юридической процедуры.

В попытке достроить онтологию угрозы мы предлагаем дополнить оба вышеупомянутых подхода количественным и попытаться сочетать признаковую базу двух этих подходов. Таким образом, нам представляется возможным приблизиться к алгоритму автоматизированной классификации сообщений, содержащих угрозы, реализуемых в письменной коммуникации, в частности, в интернет-мессенджерах, на интернет-форумах и в социальных интернет-сетях. Этот алгоритм подразумевает решение классификационных задач на трех уровнях: (1) определение наличия в сообщении вербализованной угрозы³; (2) определение типа и вида вербализованной угрозы; (3) определение, с каким из правовых описаний угроз соотносится вербализованная угроза. В настоящей статье мы представляем результаты исследования, соотносящегося со вторым уровнем классификационных задач.

3. Методика эмпирического исследования

Объектом настоящего исследования является вербализация деструктивных форм общения (буллинг, моббинг, шейминг, троллинг, харасмент, мошенничество, вымогательство и др.). *Предметом* исследования выступает вербализация прямой угрозы, реализуемой в письменной коммуникации, опосредованной техническими средствами (телефон, компьютер) и обнародованный в виде текстовых сообщений на различных коммуникативных площадках в интернете. Согласно А.Н. Баранову интернет-угрозы – это речевое поведение угрожающего типа в интернете, социальных интернет-сетях, при обмене электронными сообщениями и т.д. (Баранов 2021: 212).

Цель исследования состоит в выявлении специфики вербализации угрозы в письменной коммуникации в Интернете.

В рамках настоящего исследования мы руководствовались *гипотезой* о том, что угроза на практике в текстовых сообщениях представлена преимущественно в виде угроз-наказаний, направленных на причинение вреда жизни и здоровью пациента.

Материалом исследования послужили сообщения, вербализующие угрозу на русском языке в переписках, публичных заявлениях, комментариях, обращениях, и иные форматы обнародования угроз в письменной форме в различных социальных интернет-сетях, на интернет-сайтах, интернет-форумах, в интернет-мессенджерах и прочих интернет-ресурсах, предоставляющих площадку для письменной коммуникации между пользователями, осуществляемую с помощью технических средств (телефон, компьютер), на которых установлены соответствующие приложения с доступом в Интернет или имеется доступ к соответствующим интернет-ресурсам.

Применяемые методы. В ходе эмпирического исследования применялся типологический метод, контекстуальный анализ, сравнение и систематизация

³ Результаты по работе на первом уровне алгоритма на материале речевого жанра «оскорбление» представлены в следующих трудах: (Комалова, Голощапова 2021, Komalova et al. 2022).

эмпирических и теоретических данных, статистический анализ количественных данных. Отбор исследовательского (текстового) материала производился методом сплошной выборки с опорой на параметры и признаки речевого жанра угрозы, описанные в проанализированной научной литературе и кратко представленные в вводно-обзорной части настоящей статьи (раздел 1 и 2). В частности, мы фокусировались на угрозах-наказаниях и угрозах-предупреждениях⁴.

Поиск и отбор исследовательского материала проводился в январе 2021 года вручную на открытых публичных интернет-площадках двух типов: (1) сообщества, в которых обсуждаются случаи угрозы, пользователи приводят примеры вербализации угроз из личного опыта взаимодействия с угрожающим (скриншоты сообщений-угроз в мессенджерах), обсуждают, как следует вести себя в коммуникации с угрожающим, как себя обезопасить; (2) сообщества, в которых ведутся дискуссии по острым социально-политическим темам, и пользователи нередко переходят границы дозволенного в коммуникации, используя речевые жанры конфликтного типа. Мы просматривали контексты и сохраняли скриншот сообщения-угрозы на жесткий диск компьютера исследователя.

Единицей исследования стало сообщение-угроза. Начало сообщения-угрозы обозначалось ником угрожающего. В случае, когда за сообщением-угрозой следовало сообщение от другого субъекта (реципиента угрозы или третьего лица), концом сообщения-угрозы считался ник другого субъекта. В исследовательский корпус включались сообщения, в которых присутствовали угрозы, адресованные конкретному реципиенту, на что указывало наличие личных местоимений (ты, тебя, твоих, твоя, твое, его, ее, их). Каждый сохраненный скриншот переводился в текстовый формат и сохранялся в отдельном файле, которому присваивался порядковый номер (например, «Образец_23»).

При составлении исследовательского корпуса мы столкнулись с рядом трудностей, что сказалось на относительно скромном количестве отобранного материала: сообщения-угрозы были представлены в виде скриншотов (в некоторых случаях с цензурой), к которым прилагались комментарии пользователей; многие сообщения-угрозы практически моментально удалялись или блокировались администраторами интернет-ресурсов; не всегда удавалось установить такие параметры в сообщении-угрозе, как гендер, возраст агенса и пациенса (проверка проводилась по сведениям профилей пользователей или по морфологии и синтаксису анализируемых сообщений-угроз⁵).

⁴ Мы не ставили задачу сопоставления угроз-наказаний и угроз-предупреждений, в связи с этим в исследовательском корпусе не представлено одинаковое количество сообщений каждого типа. При этом применение метода сплошной выборки при сборе материала предполагает получение среза данных, в котором обозначаются тенденции, характерные для их реализации на практике.

⁵ При обозначении возраста и гендера агенса и пациенса мы полагались (где это было возможно) на характеристики, указанные в отрывках сведений учетной записи пользователя

В результате отбора в исследовательский корпус вошло 65 сообщений-угроз (охват с 2015 по 2021 год⁶) на русском языке, извлеченных из контекстов реального (не сценарированного) коммуникативного взаимодействия, обнаруженных на различных коммуникативных площадках в Интернете: V Kontakte (отобрано 52 единицы), Instagram⁷ (4), WhatsApp (4), Viber (3), Odnoklassniki (1), Twitter (1). На рис. 1 представлены примеры исходных материалов, вошедших в исследовательский корпус сообщений-угроз.

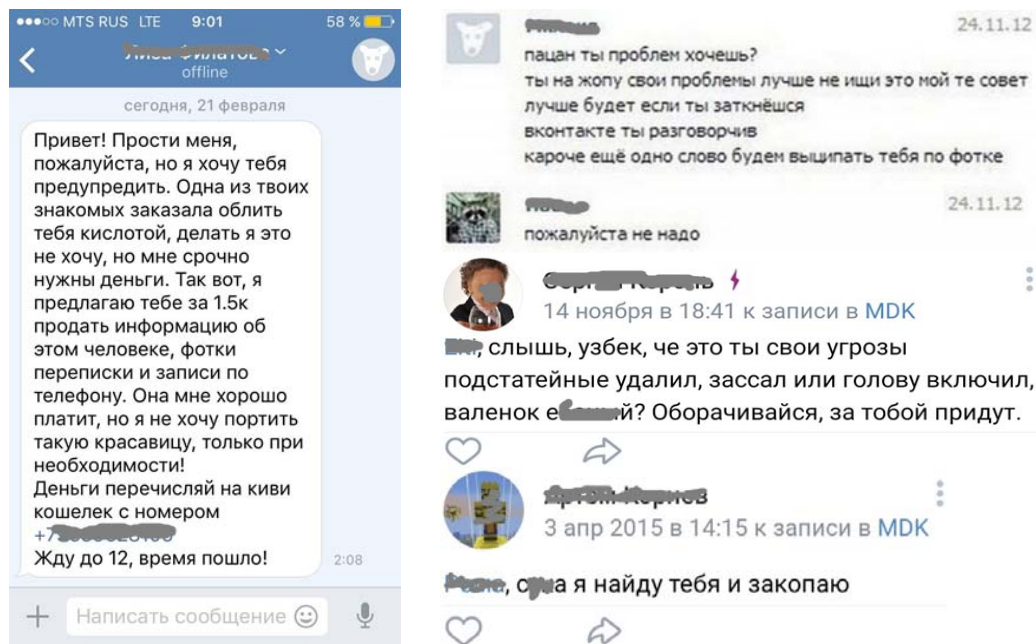

Рис. 1. Примеры исходных материалов (цензура серым цветом наша – Л. К., Л. К.) / **Fig. 1. Examples of textual data** (censor with grey color is made by the authors of this paper)

(например, «пол – мужской», «имя – Марк»), а также на морфо-синтаксические признаки (например, окончания глаголов третьего лица единственного числа). Последнее, в непосредственно предложениях с угрозой, как правило, представлялось затруднительным. В этих случаях мы обращались к ближайшему контексту, в котором помимо опоры на грамматику можно было обнаружить и лексико-семантические признаки (например, использование лексемы «красавица» или «пацан» при обращении к реципиенту угрозы).

⁶ Мы не пытались охватить какой-то определенный период времени и тем самым описать особенности этого периода. Однако мы предположили, что лаг в десять лет будет максимальной временной границей, за которую мы не должны переступить, т.к., по нашему мнению, будет ощущаться разница в паттернах речевой коммуникации между речевой продукцией 2005 и 2020 года (хотя бы в силу того, что в 2005 году только появились первые социальные интернет-сети, репертуар общения в них сначала сводился к поиску школьных и университетских друзей, самопрезентации, что определяло репертуар применяемых речевых жанров). Кроме того, с 2017 года по ряду компонентов в глобальном масштабе снижается индекс цифровой цивилизованности (Digital civility index... 2022).

⁷ Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

Формирование исследовательского корпуса подразумевало подробное аннотирование каждой включаемой в корпус единицы (сообщения-угрозы). Аннотация включала параметры, характеризующие сообщение (его объем, источник, место и дату обнародования в Интернете), характеризующие агенса (его / ее предполагаемые гендер и возраст, интенцию, заложенную в сообщении-угрозе), характеризующие пациента (его / ее предполагаемые гендер и возраст, ответную реакцию (если таковая имеется) на сообщение-угрозу и определение интенции, заложенной в реакции). Сообщение характеризовалось также с позиций направленности угрозы, вида угрозы, морфологии, синтаксиса и лексики сообщения. Примеры аннотирования единиц корпуса представлены на рис. 2.

Сообщение-угроза	Сообщение размещено в	Дата обнародования сообщения	Направленность угрозы	Вид угрозы
Образец№4	VK	26.11.2020	угроза здоровью	угроза-наказание
Образец№5	VK	26.11.2020	угроза здоровью	угроза-предупреждение
Образец№9	VK	08.12.2020	угроза жизни	угроза-предупреждение
Образец№10	VK	30.10.2020	угроза жизни родственников	угроза-наказание

Сообщение-угроза	Предполагаемый гендер реципиента	Предполагаемый возраст реципиента	Интенция реципиента угрозы	Предполагаемый гендер угрожающего	Предполагаемый возраст угрожающего	Интенция угрожающего
Образец№5	мужской	-	избежать негативных	мужской	-	стремление вынудить объект совершить
Образец№6	мужской	41-50	напасть в ответ, оскор	женский и муж	41-50	желание выплеснуть эмоциональное сос
Образец№10	мужской	21-30	-	мужской	21-30	желание выплеснуть эмоциональное сос
Образец№11	мужской	-	-	мужской	21-30	желание продемонстрировать окружающ

Сообщение-угроза	Вид сложноподчиненного предложения, в котором реализуется угроза	Однородные члены предложения, с помощью которых реализуется угроза	Глаголы будущего времени, с помощью которых реализуется угроза	Наречия, с помощью которых реализуется угроза	Лексемы, передающие эмоционально-психологическое состояние, сопровождающие ситуацию угрозы
Образец№5	условия	-	будем выцелплять(вы	корочеч(карочеч)	проблемы
Образец№6	места	оставлю, поймаю	поймаю, найду	всё равно	больничный
Образец№10	изъяснительное	-	следи (чтоб не заре	уже	следи
Образец№11	-	приеду, зарежу	зарежу	на*уй	-

Рис. 2. Примеры аннотирования единиц в исследовательском корпусе /
Fig. 2. Examples of corpus unit annotation

В составе трех анализируемых сообщений пациент вступал в коммуникацию с агенсом, прибегая к речевому жанру угрозы, в связи с этим общее количество анализируемых сообщений-угроз составило 68 единиц.

4. Результаты эмпирического исследования

4.1. Анализ вида, направленности угроз и интенций агенса

В ходе анализа исследовательского корпуса (табл. 1) выяснилось, что среди анализируемых сообщений преобладающим видом угроз является угроза-наказание (76,47%):

- (1) *Я обязан сделать того чего вздумал, ибо, ты оскорбил меня*⁸.

В меньшем объеме представлены угрозы-предупреждения (23,53%):

- (2) *У тебя 2 недели, чтобы свалить из России, иначе ты встретишь Елену Григорьеву. В аду.*

Таблица 1. Виды сообщений-угроз / Table 1. Types of threatening messages

Вид	Кол-во угроз в корпусе	
	ед.	%
Угрозы-наказания	52	76,46
Угрозы-предупреждения	16	23,53
Суммы:	68	100

Анализируемые сообщения-угрозы условно можно разделить на три группы (табл. 2):

- угрозы, направленные непосредственно на пациента (88,24%):

- (3) *Я найду **тебя ты** молить о смерти будешь;*
 (4) *Молчи не смей я **тебя по ip** найду а **тебе** хана;*

- угрозы, направленные на третьих лиц, связанных с пациентом (10,29%):

- (5) *Считай адрес, данные **твоего** отца, матери и твой ИНН уже у меня. Следи, чтобы **их** не зарезали;*

- угрозы, направленные на имущество⁹ пациента (1,47%):

- (6) *Смотри, тварь, чтобы **твои** собаке ко мне не попали. Размажу вместе с тобой.*

⁸ Примеры сообщений-угроз приводятся в авторской редакции (в авторской орфографии и пунктуации).

⁹ Согласно статье 137 «Животные» Гражданского кодекса Российской Федерации, «к животным применяются общие правила об имуществе поскольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное».

**Таблица 2. Направленность анализируемых сообщений-угроз /
Table 2. Focus of the analyzed threatening messages**

Тип направленности угрозы	Направленность угрозы	Кол-во угроз в корпусе	
		ед.	%
угрозы, направленные непосредственно на пациента	угрозы жизни / (физическому / эмоциональному) здоровью	51	75
	угрозы репутации / благосостоянию / социальному статусу ¹⁰	9	13,24
угрозы, направленные на третьих лиц, связанных с пациентом	угрозы жизни / (физическому / эмоциональному) здоровью родственников	7	10,29
угрозы, направленные на имущество пациента	угрозы жизни домашнего питомца	1	1,47
Суммы:		68	100

На основе анализа угроз-наказаний и угроз-предупреждений (табл. 3) было выявлено, что основной интенцией (51,47%) для их вербализации в исследуемом текстовом материале является аффективное состояние агенса: стремление «выплеснуть» отрицательные эмоционально-модальные состояния, продемонстрировать намерение отомстить пациенту. В сообщениях-угрозах в этом случае не выдвигается каких-либо условий, при соблюдении которых пациент может избежать санкций, а прямо заявляется о том, что такие санкции будут применены по отношению к пациенту:

- (7) *Я найду тебя и **вырежу тебе сердце**; Ты не жилец на белом свете!!!! Обратишься в полицию твой срок пребывания на этой земле сократится быстрее!!!!*

Другой частотной интенцией для применения речевого жанра угрозы является стремление агенса самоутвердиться через презентацию «силы» (39,71%). В таких угрозах основной акцент делается не на ущербе для пациента, а на том, что этот ущерб может нанести агенс:

- (8) *Слушай сюда, пацан, если я тебе покажу **кто я** в реале, срать будешь до смерти. И бояться... каждого звонка в дверь. В нэте не все простушки сидят, но и...;*
- (9) ***Я на расслабончиках базарю**, могу весь день тебе уделить. А ты боишься, злишься, нервничаешь. Да я забайтился чтобы зарезать тебя, ах ты моя лактоза!*

В некоторых сообщениях речевой жанр угрозы используется для реализации стратегии вымогательства (5,88%), т.е. речевые действия агенса мотивированы стремлением получить выгоду, а не применить санкции по отношению к пациенту:

- (10) *Ты теперь моему банку **реальные деньги торчишь** и у тебя неделя или мои ребята придут за тобой;*

¹⁰ В отношении статуса см. (Ludwig 2020: 11–12).

(11) *Пёс бродяга найди мне 10.000 рублей или на шампур.*

В сообщения-угрозах, которые вербализовал пациент в ответ на угрозы со стороны агенса (2,94%), прослеживается мотивация разъяснения содержания санкций:

(12) *А вот угрозы в интернете сейчас преследуются по закону и я не поленюсь и завтра с этой перепиской обращусь в милицию.*

**Таблица 3. Интенции, заложенные в сообщениях-угрозах /
Table 3. Addresser's intentions in threatening messages**

Интенция	Кол-во угроз в корпусе	
	ед.	%
аффектированные речевые действия	35	51,47
демонстрация силы	26	38,24
вымогательство / шантаж	5	7,35
разъяснения	2	2,94
Суммы:	68	100

Далее мы рассмотрели сочетаемость вида угрозы, ее направленности и интенции (табл. 4). Полученные количественные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу: в исследуемых текстовых сообщениях в 61,76% случаев (в таблице оформлено полужирным шрифтом) угроза представлена в виде угроз-наказаний, направленных на причинение вреда жизни и / или здоровью пациента. При этом ведущей интенцией агенса выступает стремление в формате речевого жанра угрозы отыграть эмоционально-модальные состояния, порожденные поведением пациента (35,29%), и стремление продемонстрировать свою силу (25%).

**Таблица 4. Комплексная характеристика сообщений-угроз /
Table 4. Complex description of threatening messages**

Интенция агенса	Направленность угрозы	Вид угрозы			
		наказание		предупреждение	
		ед.	%	ед.	%
аффектированные речевые действия	жизни / здоровью пациента	24	35,29	4	5,88
	репутации / благосостоянию / статусу пациента	1	1,47	0	0
	жизни / здоровью родственников пациента	5	7,35	0	0
	имуществу пациента	0	0	1	1,47
демонстрация силы	жизни / здоровью пациента	17	25	3	4,41
	репутации / благосостоянию / статусу пациента	3	4,41	3	4,41

вымогательство / шантаж	жизни / здоровью пациента	1	1,47	2	2,95
	репутации / благосостоянию / статусу пациента	0	0	1	1,47
	жизни / здоровью родственников пациента	1	1,47	0	0
разъяснения	репутации / благосостоянию / статусу пациента	0	0	1	1,47
	жизни / здоровью родственников пациента	0	0	1	1,47
Суммы:		52	76,46	16	23,54

Угрозы-наказания можно охарактеризовать как средство отыгрывания аффекта и демонстрации силы при обозначении возможного вреда жизни / здоровью пациента. В данном случае, как правило, при вербализации угрозы не обозначается сам проступок, за который пациенту предстоит понести наказание:

- (13) *Ахаххакать будешь когда за тобой придут чмо интернетное;*
- (14) *Я найду тебя, узнаю кто ты, обе головы тебе отрежу, змея ты подколотная;*
- (15) *Это только начало. В ближайшее время найдут ее труп. Ей никуда не скрыться. Мы ее найдем. Она ограничила доступ к своей странице. Мы знаем адрес. Из города она не уехала. Передайте. Пусть боится и опасается.*

Проступок подразумевается из более широкого контекста – либо за рамками письменной коммуникации (например, событие произошло в процессе устной коммуникации лицом к лицу), либо ранее в ходе переписки.

Применение угроз-предупреждений при аффектированном речевом поведении и в случае вымогательства направлено на обозначение возможного вреда жизни / здоровью пациента. Наряду с этим при демонстрации силы обозначается не только вред жизни / здоровью пациента, но и возможный вред его / её репутации / благосостоянию / статусу:

- (16) *Фото твое уже стоит. Дальше делать твою страницу? Буду от твоего лица и мужикам писать с твоего города и малолеткам тоже. С твоих фотографий сделают порнофото и будут выкладывать на сайты. Будут только твоё лицо подставлять. Пока твои фотографии у меня. Тебе вообще позор и унижения по городу на сайтах по городу надо?*

По сравнению с угрозами-наказаниями в угрозах-предупреждениях наблюдается тенденция к более четкому обозначению направленности угрозы:

возможный вред жизни пациента:

- (17) *Короче если завтра не будет привета я приеду и убью тебя!!!
Понала!!!;*

возможный вред *здоровью* пациента:

(18) *Да, извинись или мы приедем и изнасилуем тебя.*

Интересно, что:

- интенция разъяснения реализуется только в угрозах-предупреждениях как ответной реакции пациента;
- направленность угрозы на причинение вреда третьим лицам (родственникам), связанным с пациентом, реализуется только в угрозах-наказаниях;
- большинство угроз, направленных на причинение вреда репутации / благосостоянию / статусу пациента, представлены в угрозах с интенцией демонстрации силы;
- при реализации агенсом интенции вымогательства предпочтение отдается угрозам-предупреждениям.

4.2. Анализ взаимодействий агенса и пациента

Отдельно хотелось обратить внимание на характеристики агенса и пациента (табл. 5). В анализируемых сообщениях-угрозах большинство коммуникантов (как в позиции агенса, так и в позиции пациента) относится к возрастной группе от 21 года до 30 лет. Количество коммуникантов-мужчин почти в четыре раза превосходит количество коммуникантов-женщин. Мужчины чаще выступают в роли агенса, женщины – в роли пациента.

Таблица 5. Группировка сообщений-угроз по гендеру и возрасту агенса и пациента /
Table 5. Grouping of messages according gender and age of interlocutors

Возрастная группа	Гендер	Угрозы-наказания		Угрозы-предупреждения	
		агенси	пациенси	агенси	пациенси
до 10 лет	мужчины	0	0	0	0
	женщины	1	0	0	0
11-20	мужчины	2	0	1	0
	женщины	0	1	0	0
21-30	мужчины	21	17	3	3
	женщины	1	4	0	3
31-40	мужчины	10	2	3	0
	женщины	1	5	1	2
41-50	мужчины	3	2	0	1
	женщины	1	0	0	0
старше 50	мужчины	2	0	0	0
	женщины	0	0	1	0
не определена	мужчины	9	9	6	4
	женщины	1	1	1	1
не определена	не определен	0	11	0	2
Суммы:		52	52	16	16

Дальнейший анализ исследовательского материала позволил выявить тенденцию взаимодействия между агенсом и пациенсом в гомо- и гетерогенных парах (табл. 6). В силу того, что большинство участников проанализированных сообщений-угроз – это мужчины, они же являются субъектами, задающими направление угрозы в сторону пациенса. В угрозах-наказаниях вектор интеракции направлен, как правило, от агенса-мужчины к пациенсу-мужчине или пациенсу-женщине. Угрозы-предупреждения характеризуются отсутствием вектора от агенса-мужчины к пациенсу-женщине, но при этом значительно повышается активность агенсов-женщин (см., например (Sagredos, Nikolova 2022)).

Таблица 6. Интеракции между агенсом и пациенсом (анализировались только 53 сообщения-угрозы, в которых гендер агенса и пациенса удалось проверить) / Table 6. Interactions between interlocutors (only 53 threatening messages were analyzed)

Вектор интеракции	Угрозы-наказания, %	Угрозы-предупреждения, %
агенса-мужчина → пациенс-мужчина	67,5	61,54
агенса-мужчина → пациенс-женщина	22,5	0
агенса-женщина → пациенс-мужчина	5	23,08
агенса-женщина → пациенс-женщина	5	15,38
Суммы:	100	100

4.3. Анализ ответных реакций пациенса на угрозы со стороны агенса

В исходном материале в некоторых случаях были представлены не только сообщения-угрозы со стороны агенса, но и реакции со стороны пациенса (табл. 7). При этом общей тенденцией (в 57,53% от всех проанализированных сообщений) является нулевая реакция (отсутствие ответного сообщения или ряда комментариев). Это может быть связано с отсутствием прямого контакта с агенсом и возможностью отстраниться от коммуникации. Сам факт реакции на сообщение агенса, по нашему мнению, может подкрепить мотивацию последнего к действиям.

При наличии ответной реакции пациенса она в основном реализуется в виде язвительных высказываний с целью защитить себя, нападая в ответ (15,07% от всех случаев) и в виде уточняющих реплик (15,07% от всех случаев). При реализации угроз-наказаний в равной мере пациенс реализует ответную реакцию, используя язвительные высказывания (17,54%) и вопросы на уточнение (17,54%); при реализации угроз-предупреждений ведущими являются расспрашивание, уточнения и разъяснения (18,75%).

Таблица 7. Ответные реакции пациента (в некоторых случаях несколько реакций, в связи с этим общее число анализируемых единиц составило 73) / Table 7. Addressee's responses (in several cases there were some reactions, that is why the total number of messages is 73)

Тип реакции	Угрозы-наказания		Угрозы-предупреждения		Суммы	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%
нет реакции, игнорирование	32	56,14	10	62,5	42	57,53
язвительность, передергивание	10	17,54	1	6,25	11	15,07
расспрашивания, уточнения, разъяснения	8	14,04	3	18,75	11	15,07
оскорбления	4	7,02	1	6,25	5	6,85
нравоучения	3	5,26	0	0	3	4,11
просьба прекратить	0	0	1	6,25	1	1,37
Суммы:	57	100	16	100	73	100

4.4. Лингвистические характеристики сообщений-угроз

В целом, исследуемый корпус сообщений-угроз характеризуется наличием сложноподчиненных предложений: для угроз-наказаний – это придаточные условия, времени, места, причины и изъяснительные предложения; для угроз-предупреждений – это придаточные предложения условия. Активно используется форма будущего времени. В состав однородных членов предложения, с помощью которых вербализуется угроза, в основном входят последовательности глаголов действий (которые относятся и к агенту, и к пациенту) и состояний (относятся только к пациенту) (табл. 8).

Таблица 8. Использование глаголов как однородных членов предложения / Table 8. Using verbs as homogeneous parts of the sentence

Вид угрозы	Тип глагола	Агент	Пациент
Угрозы-наказания	глаголы действия	<i>облить, делать; увижу, разобью; оставлю, поймаю; приеду, зарежу; найду, подам; заминал, вытаскивал; точат, пи*данут; приду, закопаю; найду, закопаю; найду, узнаю, отрежу; приедем, зарежем</i>	<i>удалил, включил; молчи, не смей</i>
	глаголы состояния	–	<i>(пусть) боится, опасается; боишься, злишься, нервничаешь; будешь умолять, будешь ссать, бояться</i>
Угрозы-предупреждения	глаголы действия	<i>найдут, убьют; приеду, убью; сделают, будут выкладывать и лицо подставлять</i>	<i>живешь, делаешь; кинешь, проигноришь; стуканешь, не доживешь</i>
	глаголы состояния	–	<i>(пусть) боится, опасается</i>

По сравнению с угрозами-предупреждениями стиль угроз-наказаний более резкий: агенс, как правило, пренебрегает литературной нормой русского языка, позволяя себе не использовать заглавные буквы в начале предложения, нарушать правила орфографии и пунктуации, смешивать высокий стиль с обиходно-разговорным, использовать сниженную и обсценную лексику. Вербализация угроз-предупреждений обычно представляется более упорядоченной; порой сообщение может быть написано в вежливой форме с целью сформировать образ агенса, вынужденного прибегать к угрозе не по своей воле.

В угрозах-наказаниях более категорично и радикально обозначается объект угрозы: при помощи таких номинаций, как *мразэта, мразь, падла, пидалик, педрила, обиженка, тварина, тварь, тварюга, животное, чудовище, нацистка, дура, шалава, пидор, пидорас, стукач, урод, гондон, идиотс, змея подколодная, баран, пес бродяга, черт, чмо, трус, бедолага* (а также многочисленных обсценных номинаций) агенс дегуманизирует пациенса, формируя образ врага. В угрозах-предупреждениях уничижительные номинации также встречаются, но по сравнению с угрозами-наказаниями звучат они гораздо мягче, например *жирбосина, парося*. В угрозах-предупреждениях можно встретить обращение на «Вы», в угрозах-наказаниях – только на «ты». По нашему мнению, с одной стороны, местоимение «ты» резко сокращает дистанцию, с другой, – позволяет выстроить иерархию.

В исследуемых сообщениях-угрозах часто встречаются лексемы, относящиеся к семантическому полю

- «страх»: *бойся, опасается, зассал, нервничаешь, оборачивайся, страшно;*

- «смерть»: *похороны, труп, не жилец, убьют, (тебе) хана, смерть, вешать, ад, смертельный, зарезать, (тебе) конец, сдохните, на том свете, закопаю, голову отрежу, сдохнешь, недолго жить, вырежу сердце;*

- «неприятности»: *проблемы, позоришь, черные дни, неудачи, потери, гадости;*

- «страдания»: *больничный, жертва, больно, изнасилуем, умолять, гнить, избивают, калечат, неизлечимо смертельные болезни, будет больно, пытать, нож в печень.*

Наиболее частотными частями речи в сообщениях-угрозах выступают глаголы (в среднем 7 единиц в сообщении-угрозе), имена существительные (в среднем 7 единиц в сообщении-угрозе) и местоимения (в среднем 6 единиц в сообщении-угрозе). Наречия выполняют функцию усилителей значений, передаваемых в глаголах (*везде, жестко, плохо, страшно, срочно, намного*).

5. Обсуждение результатов

По нашему мнению, преобладание угроз-наказаний (табл. 1) указывает на стремление угрожающего атрибутировать себе авторитетную позицию субъекта, который единолично на основе собственной системы оценок выносит вердикт о наказании, опуская процедуру рассмотрения поступка,

возможность оправдаться или обжаловать санкцию. При учете интенции угрожающего (табл. 3) декларацию авторитетной позиции в коммуникации можно, с одной стороны, трактовать как способ справиться со сложившейся ситуацией через эмоционально-психологическую «разрядку» (интенция «аффектированные речевые действия» как своеобразный способ экстернализации своего эмоционально-психологического состояния); с другой стороны, рассматривать как инструмент поддержания своего авторитета через демонстрацию власти над реципиентом угрозы, так как вербализованная угроза содержит указание на действия, которые человек без власти не в силах осуществить (например, использовать в личных целях персональные данные другого человека).

Преобладание адресации угрозы непосредственно на реципиента угрозы (а не на его родственников и / или имущество) (табл. 2) можно объяснить стремлением угрожающего нанести максимальный урон непосредственному «виновнику» сложившейся ситуации, вызвавшей негодование угрожающего. При этом ценность жизни и / или здоровья рассматривается угрожающим как более значимая по сравнению с ценностью репутации и / или имущества реципиента угрозы (табл. 4).

Тенденции взаимодействия между агенсом и пациенсом в гомо- и гетерогенных парах (табл. 6) требуют дальнейшей проверки в рамках самостоятельных исследований. Обратим внимание на то, что, по статистике, по сравнению с мужчинами женщины в цифровой среде чаще подвергаются негативному воздействию, это отчасти объясняется тем, что женщины чаще пользуются социальными медиа и мессенджерами (*Digital civility index... 2022*).

Наряду с этим хотелось бы заметить, что преобладание угрожающих мужчин (табл. 5) соотносится с полученными нами ранее результатами, свидетельствующими о том, что в ситуации конфликта и фрустрации (к которым относятся рассматриваемые коммуникативные ситуации) репертуар речевых жанров конфликтного типа у мужчин шире, чем у женщин. При этом по сравнению с женщинами мужчины в подобных ситуациях используют более «жесткие» речевые жанры, к которым, в первую очередь, относится речевой жанр «угроза» (подробнее см. (Потапова, Потапов, Комалова 2020: 177–189)).

Возрастная рамка (табл. 5) соотносится с данными о демографии интернет-пользователей: наиболее активными пользователями Интернета в России являются люди старше 24 лет (см., например (Интернет в России... 2022)). По статистике, деструктивное речевое поведение в цифровой среде направлено на коммуникантов той же возрастной когорты (*Digital civility index... 2022*).

Соотнося полученные данные (табл. 7) с результатами исследования Microsoft (*Digital civility index... 2022*), можно утверждать, что зафиксированные тенденции в целом являются положительными, т.е. позволяющими снизить пагубное воздействие от вербализованных угроз на реципиента угрозы. В частности, в исследовании Microsoft игнорирование рассматривается респондентами как цивилизованный способ не поддерживать направленное на них деструктивное речевое поведение в цифровой среде.

Значимым, по нашему мнению, представляется вывод об аффектированности речевых действий в виде угроз и их использовании в целях демонстрации силы (самоутверждения, самопрезентации), так как он вводит новые пропозиции в содержании угрозы и обращает исследовательскую мысль к концептуализации таких понятий, как «ментальное здоровье», «экология общения», «эмоционально-психологический ущерб» в рамках анализа вербализованных угроз. В целом, этот вывод заставляет задуматься о социальной функции коммуникативных интернет-площадок (доступ к которым сейчас возможен с любого телефона с выходом в Интернет) как мест локализации (особенно если угрозы не выходят за рамки коммуникации, и дело не доходит до применения санкций), концентрации, пробования (если вспомнить распределение по возрастным группам, то видно, что участниками коммуникации, в которой вербализуются угрозы, являются представители младших групп, которым находятся в периоде кризиса становления личности, проявляющегося, в том числе в нарушении коммуникативных норм) и отыгрывания (по аналогии с любым функциональным пространством – на дискотеке люди танцуют, в столовой принимают пищу, в бассейне плавают – функционал места задает, с одной стороны, предпосылки к осуществлению конкретных действий, с другой стороны, именно эти действия субъекты ожидают реализовать в этом месте) эмоционально-психологических состояний, деструктивных речевых паттернов, порицаемого речевого поведения.

Подспудно нам удалось зафиксировать ряд отличительных (и требующих дальнейшего исследования) характеристик угроз-наказаний и угроз-предупреждений. Недостаточными и требующими отдельного изучения нам представляются замечания о гендерных паттернах (векторе направления угрозы, гомо- и гетерогенных парах) взаимодействия между агенсом и пациенсом при вербализации угроз, в целом, и видов угроз при учете интенции агенса, в частности. Значимым представляется изучение именно взаимодействия агенса и пациенса, что подразумевает включение в анализ речевой продукции пациенса.

Следует отметить, что ряд суждений в отношении прагматики вербализации угроз достаточно сложно подтвердить в рамках эмпирического исследования сообщений без рассмотрения более широкого контекста порождения данных сообщений. Так, мотивация агенса в анализируемых сообщениях в большей мере предполагается, ее (успешное) определение во многом зависит от компетенции, профессионального опыта, эрудиции и интуиции исследователя. Если так можно выразиться, «тяжесть» последствий вербализации угрозы остается за рамками анализа и даже наблюдения, что не позволяет подтвердить перлокутивный эффект, заложенный в угрозе, и, как следствие, обозначить тип(ы) угроз, которые требуют более пристального исследовательского внимания.

6. Заключение

В ходе проведенного исследования было выявлено, что признаковые характеристики угроз, вербализуемых в интернет-коммуникации, соотносятся с характеристиками, обозначенными исследователями применительно к анализу угроз в коммуникации лицом к лицу. Наряду с этим на основе анализа исследовательского материала удалось охарактеризовать сообщения-угрозы в интернете как вербализацию преимущественно эмоционально-психологического состояния угрожающего (агенса) в ответ на действия реципиента угрозы (пациенса), что выражено в преобладании угроз-наказаний, направленных на причинение вреда жизни и / или здоровью реципиента угрозы с интенцией отыграть аффект и / или продемонстрировать свою силу. Прагматическая функция угрозы в данном случае – это выстраивание социально-ролевой асимметрии в отношении пациенса за счет изменения социально-психологической иерархии позиций коммуникантов.

В исследованном материале агенсом и пациенсом при вербализации угроз выступают и женщины, и мужчины в возрасте старше 21 года; мужчины более активны при реализации угроз-наказаний, женщины – угроз-предупреждений. Примечательно то, что пациенс в исследуемых контекстах оказался устойчивым к угрозам и в большинстве случаев взаимодействия с агенсом проигнорировал их, т.е. в рамках исследуемого материала не был реализован перлокутивный эффект угрозы.

Намеченные линии исследования в перспективе следует реализовывать на материале большого объема данных с привлечением методов машинного обучения, уточняя и расширяя параметризацию и признаковую базу анализируемого текстового материала и речевой продукции. Полученные нами результаты уточняют представление об интернет-угрозе (по А.Н. Баранову) как об аффектированном речевом поведении, регулирование которого невозможно в рамках существующего правового поля, и требуется разработка самостоятельной критериальной базы в рамках норм общественной морали с привлечением экспертного, научного сообществ и представительства технологических компаний.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2020-0020 «Перспективы технологии реализации информационной функции государства и обеспечение цифрового суверенитета»).

Авторы выражают признательность анонимным рецензентам и редактору за вопросы и замечания, которые способствовали более четкому освещению в работе некоторых ее теоретических положений.

Acknowledgements

The research is carried out within the framework of the state assignment to Moscow State Linguistic University, project No FSFU-2020-0020 “Perspective technologies of Government’s informational function realization and maintenance of digital sovereignty”.

We would like to express our gratitude to the anonymous reviewers and the editor for their questions and comments that let us clarify some theoretical points in the paper.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 02 июня 2013 г.): в 2 т. М., 2013. Вып. 12 (19). Т. 1. С. 72–82. <https://www.dialog-21.ru/media/1223/baranovan.pdf> [Baranov, Analoly N. 2013. Semantics of threat in Forensic Linguistics. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. International conference "Dialogue"* 12 (19)–1. 72–82. (In Russ.)].
- Баранов А.Н. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М.: Азбуковник, 2021. [Baranov, Analoly N. 2021. *Ugroza v kriminal'nom diskurse (semantika i pragmatika)* (Threat in criminal discourse (semantics and pragmatics)). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].
- Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой // *Теоретические и прикладные аспекты речевой деятельности*. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009а. № 4. С. 43–49. [Brinev, Konstantin I. 2009a. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po delam, svyazannym s ugrozoi (Forensic linguistic expertise on threatening cases). *Theoretical and Practical Aspects of Speech Activity* 4. 43–49. (In Russ.)].
- Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009б. <http://os.x-pdf.ru/20kulturologiya/519346-1-ki-brinev-teoreticheskaya-lingvistika-sudebnaya-lingvisticheskaya-eks.php> [Brinev, Konstantin I. 2009b. *Teoreticheskaja lingvistika i sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza* (Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise). In Nikolay D. Golev (ed.). Barnaul: AltGPA. (In Russ.)].
- Бут Н.А. Некоторые особенности употребления речевых актов угрожающего характера // *Труды ТГТУ*. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. № 16. С. 132–135. [But, Nataliya A. 2004. Nekotorye osobennosti upotrebleniya rechevykh aktov ugrozhayushchego kharaktera (Some peculiarities of threatening speech acts implementation). *Trudy TGTU* 16. 132–135. (In Russ.)].
- Вежибicka А. Речевые жанры // *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 99–111. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36422407> [Wierzbicka, Anna. 1997. Speech genders. *Speech Genders* 1. 99–111. (In Russ.)].
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2005. [Vinokur, Tatiana G. 2005. *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* (Speaking and listening people: Variants of speech behavior). Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Дайшутов М.М., Динека В.И., Денисенко М.В. Психическое насилие в уголовном праве // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 3. С. 77–81. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38581612> [Dayshutov, Mikhail M., Viktor I. Dineka & Mikhail V. Denisenko. 2019. Mental abuse in Criminal Law. *Vestnik Moscovskogo Universiteta MVD Rossii* 3. 77–81. (In Russ.)].
- Ефремов В.А. Угроза в наивной и юридической картинах мира // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2018. № 6. С. 192–196. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36590731> [Efremov, Valery A. 2018. The “threat” as a part of the native and juristic picture of the world. *Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia* 6. 192–196. (In Russ.)].
- Женисова А.М. Лингвистические признаки угрозы // *Школа науки*. 2018. № 4. С. 1–2. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35297051> [Zhenisova, Aliya M. 2018. Lingvisticheskie priznaki ugrozy (Linguistic features of threat). *Science School* 4. 1–2. (In Russ.)].

- Злоказов К.В., Колмыкова Т.И., Рыбьякова Е.А., Степанов Р.И. Восприятие читателем угрозы в информационном пространстве: результаты экспериментального исследования // *Политическая лингвистика*. 2017. № 2. С. 131–138. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29115157> [Zlokazov, Kirill V., Tatiana I. Kolmykova, Ekaterina A. Rybyakova & Roman I. Stepanov. 2017. Perception of threat in infosphere by the reader: Experimental research results. *Political Linguistics* 2. 131–138. (In Russ.)].
- Карандеева Л.Г., Сергиенко Д.В. Лексико-морфологические средства выражения интенции угрозы в немецкоязычном политическом дискурсе // *Наука и образование: новое время. Научно-методический журнал*. 2017. № 4. С. 37–39. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29898099> [Karandeeva, Lyudmila G. & Daria V. Sergienko. 2017. Lexico-morphological means of expressing threat intention in the German political discourse. *Science and Education: New Time. Scientific and Methodological Journal* 4. 37–39. (In Russ.)].
- Комалова Л.Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. 2-е изд., стереотип. М.: Спутник+, 2020. [Komalova, Liliya R. 2020. *Aggressogen discourse: The multilingual aggression verbalization typology*. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)].
- Комалова Л.Р. Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 149–164. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164> [Komalova, Liliya. 2019. Representation of the verbal image of aggression in the informational universe of the English-language mass media. *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 149–164. (In Russ.)].
- Комалова Л.Р., Голощапова Т.И. Дифференцированный анализ речевого жанра «оскорбление» на материале сообщений социальной интернет-сети // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 3. С. 619–631. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-619-631> [Komalova, Liliya & Tatiyana Goloshchapova. 2021. Algorithmization of potentially insulting speech acts analysis: Messages posted on social network site. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 12 (3). 619–631. (In Russ.)].
- Коротаева Д.С., Месропян Л.М. Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия // *Юрислингвистика*. 2020. № 16. С. 19–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=43049283> [Korotaeva, Darya S. & Lilit M. Mesropyan. 2020. Threat in the political discourse of a social network as a means of speech influence. *Yurislingvistika* 16. 19–22. (In Russ.)].
- Новоженова З.Л., Пробст Н.А. К вопросу о речеактовой природе вербальной угрозы // *Вестник Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2019. № 4. С. 31–36. <https://elibrary.ru/item.asp?id=41424254> [Novozhenova, Zoya L. & Nikita A. Probst. 2019. On the speech-act nature of the verbal threat. *Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, and Psychology* 4. 31–36. (In Russ.)].
- Обелюнас Н.В. О вымогательстве // *Юрислингвистика*. 2014. № 3 (14). С. 106–127. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26251914> [Obelunas, Nina. 2014. About extortion. *Yurislingvistika* 2 (14). 106–127. (In Russ.)].
- Плотникова А.М. Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта угрозы // *Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2017. № 2. С. 81–88. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29246424> [Plotnikova, Anna M. 2017. Linguistic creativity in threat speech and its mechanisms. *Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: The Linguistics of Creativity* 2. 81–88. (In Russ.)].

- Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р. Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации. М.: ИНИОН РАН, 2020. [Potapova, Rodmonga K., Vsevolod V. Potapov & Liliya R. Komalova. 2020. *Perception of multimodal mono- and poly-ethnic communication*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)].
- Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 419–448. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448> [Romanov, Aleksey & Olga Novoselova. 2020. Discursive realization of threat in pre-election communication. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 419–448. (In Russ.)].
- Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. М.: Флинта, 2021. [Romanov, Alexey & Olga Novoselova. 2021. *Menaissive constructs of pre-election discursions: Lingvogeneratedative analysis of materials of the 2018 presidential campaign programs*. Moscow: Flinta. (In Russ.)].
- Рылова Е.В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // *Юрислингвистика*. 2014. № 3. С. 10–25. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26251902> [Rylova, Elena V. 2014. Category of verbal offences in the CC of the RF. *Yurilingvistika* 3. 10–25. (In Russ.)].
- Стексова Т.И. Угроза как речевой жанр // *Жанры речи*. Саратов: Колледж, 1997. С. 6–7. [Steksova, Tatiana I. 1997. Ugroza kak rechevoj zhanr (Threats as a speech genre). In *Zhanry Rechi*. 6–7. Saratov: Kolledzh. (In Russ.)].
- Ярошук И.Я., Жукова Н.А., Долженко Н.И. Лингвистическая экспертиза. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020. [Jaroshuk, Inna Ja., Natalia A. Zhukova & Natalia I. Dolzhenko. 2020. *Lingvisticheskaya ehkspertiza* (Linguistic Expertise). Belgorod: Belgorod State National Research University. (In Russ.)].
- Kaur, Simrat, Sarbjeet Singha & Sakshi Kaushal. 2021. Abusive content detection in online user-generated data: A survey. *Procedia Computer Science* 189. 274–281. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.05.098>
- Kocoń, Jan, Alicja Figas, Marcin Gruza, Daria Puchalska, Tomasz Kajdanowicz & Przemysław Kazienko. 2021. Offensive, aggressive, and hate speech analysis: From data-centric to human-centered approach. *Information Processing and Management* 58. 102643. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102643>
- Komalova, Liliya, Anna Glazkova, Dmitry Morozov, Rostislav Epifanov, Leonid Motovskikh & Ekaterina Mayorova. 2022. Automated classification of potentially insulting speech acts on social network sites. In Daniel A. Alexandrov, Alexander V. Boukhanovsky, Andrei V. Chugunov, Yury Kabanov, Olessia Koltsova, Ilya Musabirov & Sergei Pashakhin (eds.), *Digital transformation & global society. DTGS 2021. Communications in computer and information science series* 1503, 365–374. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7_26
- Ljubešić, Nikola, Darja Fišer & Tomaž Erjavec. 2019. The FRENK datasets of socially unacceptable discourse in Slovene and English. In Kamil Ekštejn (eds), *Text, speech, and dialogue. TSD 2019. Lecture notes in computer science* 11697, 103–114. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27947-9_9
- Nick, I.M. 2018. In the wake of hate: A mixed-method analysis of anonymous threatening communications sent during the 2016 US presidential election. *Nordic Journal of Linguistics* 41 (2). 183–203. <https://doi.org/10.1017/S0332586518000148>
- Ozyumenko, Vladimir I. & Tatiana V. Larina. 2021. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 746–766. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>

- Probst, Nikita, Tatiana Shkapenko, Arina Tkachenko & Alexey Chernyakov. 2018. Speech act of threat in everyday conflict discourse. *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava* 3 (2). 204–250. <https://doi.org/10.2478/lart-2018-0019>
- Sagredos, Christos & Evelin Nikolova. 2022. 'Slut I hate you' A critical discourse analysis of gendered conflict on YouTube. *Journal of Language Aggression and Conflict* 10 (1). 169–196. <https://doi.org/10.1075/jlac.00065.sag>
- Sourander, Andre, Anat Brunstein Klomek, Maria Ikonen, Janra Lindroos, Terhi Luntamo, Merja Koskelainen Terja Ristkari & Hans Helenius. 2010. Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: A population-based study. *Archives of General Psychiatry* 67 (7). 720–728. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2010.79>
- Walton, Douglas. 2000. *Scare Tactics*. Dordrecht: Springer.
- Walton, Douglas. 2014. Speech acts and indirect threats in ad baculum arguments: A reply to Budzynska and Witek. *Argumentation* 28 (3). 317–324. <https://scholar.uwindsor.ca/crrarpub/14>
- Watt, Dominic, Sarah Kelly & Carmen Llamas. 2013. Inference of threat from neutrally-worded utterances in familiar and unfamiliar language. *York Papers in Linguistics Series* 2 13. 99–120.

Legislation and Internet resources / Правовая информация и интернет-ресурсы

- Гражданский кодекс Российской Федерации. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/fd6980fe6d3f891c65ca00040c9d100eeb2ef3ee/ [*Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federacii (Civil Code of the Russian Federation)*] (accessed 16 August 2022).
- Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // WeCanape. 2022. <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samyie-vazhnye-cifry-i-statistika/> [Internet v Rossii v 2022 godu: samye vazhnye tsifry I statistika (Internet in Russia in 2022: Main figures and statistics). 2022. *WeCanape*] (accessed 16 August 2022).
- Уголовный кодекс Российской Федерации. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ [*Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federacii (Criminal Code of the Russian Federation)*] (accessed 16 August 2022).
- Digital civility index – 2021 report. 2022. <https://www.microsoft.com/en-us/online-safety/digital-civility#coreui-banner-q42zgbu> (accessed 16 August 2022).

Article history:

Received: 09 January 2022

Accepted: 21 April 2022

Сведения об авторах:

Лилия Ряшитовна КОМАЛОВА – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета. Научные интересы: экспериментальная лингвистика, лингвоконфликтология, речевое поведение и речевая деятельность, интернет-лингвистика, психолингвистика, психология поведения, перцептивная лингвистика, корпусная лингвистика.

e-mail: komalova@ion.ru

ORCID: 0000-0002-0955-5315

Любовь Викторовна КАЛЮЖНАЯ – бакалавр кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета. Научные интересы: прагматика текста, корпусная лингвистика, лингвистическая экспертиза.

e-mail: lybov13000@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9678-4473

Bionotes:

Liliya KOMALOVA is Doctor Habil. (Linguistics), Leading Research Fellow of the Linguistics Department at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics at Moscow State Linguistic University. Her research interests include experimental linguistics, linguaconflictology, speech behavior and speech activity, Internet linguistics, psycholinguistics, behavioural psychology, perceptual linguistics, and corpus linguistics.

e-mail: komalova@inion.ru

ORCID: 0000-0002-0955-5315

Lyubov KALYUZHNAYA is an undergraduate student of the Department of Applied and Experimental Linguistics at Moscow State Linguistic University. Her research interests include linguistic pragmatics, corpus linguistics, and forensic linguistics.

e-mail: lybov13000@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9678-4473